

УДК 577:1

О. А. Карканица, ассистент (БГТУ)**ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ВКЛАД ЕВГЕНИКИ В ФОРМИРОВАНИЕ БИОЭТИКИ**

В данной статье осуществляется содержательный анализ основных задач, проблем и отдельных ценностных установок евгеники и биоэтики, позволяющий раскрыть их взаимосвязь. Подчеркивается, что обращение к основным идеям евгеники, историческому опыту реализации евгенических программ обладает определенной эвристической значимостью для формирования современных представлений о взаимоотношениях человека с собственной природой, осмысливаемых в рамках биоэтики. Евгеника представлена как направление, в рамках которого впервые возникло осознание необходимости превращения этики и морали в своего рода инструмент реинтегрирования человека в природный контекст.

This article performs profound analysis of the main tasks, key problems and particular value systems of eugenics and bioethics. The analysis gives an insight into their interrelation. It's emphasized that the reference to the central ideas of eugenics, to the historical skill of eugenic programs realization possesses definite heuristic importance for the formation of the contemporary ideas of the human being's realization with his own nature in the context of bioethics. Eugenics is presented as a course inside of which the perfection of necessity of turning ethics and morals into a sort of device of the man's reintegration into natural context arose for the first time.

Введение. В евгенической теории и практике получили обоснование наиболее спорные вопросы, связанные с исследованием актуальной в настоящее время проблемы будущего человеческой природы. Именно поэтому обращение к основным идеям евгеники обладает определенной эвристической значимостью для формирования современных представлений о взаимоотношениях человека с собственной природой, осмысливаемых в рамках биоэтики. Более того, можно утверждать, что евгеника внесла достаточно весомый теоретический вклад в развитие биоэтики, определив в значительной мере ее проблемное поле и содержание отдельных ценностных установок.

Основная часть. Известно, что вопрос о биологическом будущем человечества в теоретической форме впервые был поставлен Ф. Гальтоном, который обосновал научный подход к изучению наследственных признаков человека. Опираясь на основные положения эволюционной теории Ч. Дарвина, Гальтон и его последователи представили человека как продукт длительной эволюции живой природы, в формировании которого нашли отражение общебиологические закономерности, и впервые обратили внимание на необходимость учета влияния цивилизационного фактора на эволюцию человечества как вида, предположив, что законы его развития, создающие условия для снятия действия естественного отбора, не всегда адекватны законам развития органического мира. На этой концептуальной основе была обозначена необходимость гармонизации природного и социального развития, а человек, мотивированный подобной необходимостью, переставал рассматриваться как пассивный субстрат

в руках высших сил, божественных или природных, и оценивался как самодетерминированное существо, приобретающее способность контролировать фундаментальные процессы жизнеобеспечения.

Подобная установка была не просто новационной для своего времени, она противоречила основным принципам традиционного морального сознания, культивировавшего представления о том, что человек не обладает правом произвольного манипулирования своей биологической сущностью [1]. Более того, благодаря развитию евгенических представлений становятся очевидными границы традиционной морали, не позволяющей осмыслить имеющимися в ее распоряжении средствами те проблемные ситуации, которые выявляет евгеника.

Всю совокупность проблем, раскрывающих содержание нравственных коллизий евгеники, выявляемых, в конечном итоге, и на уровне биоэтической проблематики, можно редуцировать к двум основным. Во-первых, это вопрос о «главном селекционере», в качестве которого выступает компетентное и обеспеченное соответствующим объемом власти лицо или совокупность лиц, наделенных соответствующими полномочиями, на основании генетической информации принимающих общественно значимое решение об ограничении репродуктивной свободы индивидов. В целом полномочия «главного селекционера» отдаются евгениками специфическим совещательным органам, в структуру которых должны входить не только медики, но и юристы [2]. Рождение ребенка «непригодными» родителями должно оцениваться представителями такого рода структур и

общественностью не просто как евгеническое, но и как нравственное преступление.

В определенном смысле концептуально оформленная идея о необходимости учреждения совещательных органов, которые бы осуществляли специфическую экспертизу в вопросах генетического контроля, может рассматриваться в качестве одной из важных предпосылок институционализации морали и трансформации представлений о ее субъекте. Сегодня с учетом того, что глобальные процессы и проблемы требуют общепланетарных перемен в поведении больших масс людей, именно формирование коллективных субъектов морали, ответственных за включение нравственных ценностей в деятельность социальных институтов, по мнению некоторых авторов, таких, например, как Г. Ионас, способна обеспечить выживание человечества. Если императивы традиционной нравственности были обращены к индивиду, а последствия его моральных поступков затрагивали лишь его непосредственное окружение и не выходили за пределы сроков его жизни, то в новых условиях возникает потребность в этических принципах, обеспечивающих будущее человеческой природы в целом [3]. Примером институционализации морали может выступать формирование биоэтических комитетов, деятельность которых определяется международными требованиями. В соответствии с такого рода требованиями, каждый протокол научного исследования на человеке, должен пройти предварительную независимую этическую экспертизу. Помимо обеспечения защиты прав, безопасности, благополучия и достоинства людей, являющихся пациентами или участвующих в медико-биологических исследованиях в качестве испытуемых, подобные экспертизы включают в себя и такой критерий, как общественная значимость предлагаемых разработок.

Во-вторых, смысловую ось нравственных проблем евгеники обуславливает вопрос о судьбе выбракованных особей (т. е. неполноценной жизни), в значительной степени конфронтирующий благо и свободу отдельного человека и заботу о будущем человечества. Несмотря на то, что однозначного ответа данный вопрос в рамках евгенического учения не получил, в целом характер его решения не предполагал применения жестких норм, ущемляющих права личности: ограничение прав индивидов с тяжелой наследственной патологией предусматривалось лишь в отношении их репродуктивной свободы и не затрагивало гражданский статус.

Многими последователями Гальтона, такими как Г. Дж. Меллер, Н. К. Кольцов, ценность

жизни (уже имеющейся в наличии) признавалась априори: «...сама жизнь есть высшее благо, развитие жизнеспособности есть главная задача расовой евгеники» [4]. Представления о более и менее ценной жизни возникают лишь как попытка определения генетического вклада той или иной категории граждан в будущее человеческой природы. Другими словами, характер решения поставленных нравственных вопросов в целом задавался на основе тезиса об ответственности перед будущими поколениями, эксплицировавшего этическое измерение первых евгенических программ. Данный тезис фиксирует в себе, пожалуй, первую попытку осмысления одной из важнейших глобальных проблем – проблемы генетического будущего человечества, которая также находит отражение в контексте биоэтики.

В целом, таким образом, евгенический идеал предполагал приоритетную значимость естественных ценностей (в частности, здоровья и силы человека, обусловленных хорошей наследственностью) как наиболее адекватных действительным интересам общества. В соответствии с этой установкой, просветительскому принципу равенства была противопоставлена идея генетической иерархии, представления о существующей между животным и человеком непроходимой пропасти – идея о том, что развитие человека также подчиняется законам биологической эволюции. Указав на то, что человек разрушает природную основу своего бытия и должен это определенным образом компенсировать (в частности, за счет искусственного отбора, выполняющего, по сути, те же функции, что и естественные механизмы, участвующие в борьбе за выживание), евгеники подготовили основу для переосмысления значимости категории биологического в понимании человека. Ценность человеческой жизни была переосмыслена в понятиях биологии, таких как «адаптационный потенциал», «здоровая наследственность», «жизнеспособность» и др.

В своем стремлении создать новую мораль, отвечающую человеческой природе, ассоциировать сущность человека с жизнью его тела, ученые-евгеники de facto осуществляли попытку натурализации этики практически в духе философии Ф. Ницше. Так, согласно Ницше, основным атрибутом человеческого бытия (как и любого живого существа) является воля к власти, проявления которой табуируются обществом с помощью норм традиционной морали, поэтому существует необходимость в гармонизации нравственных принципов с естественными биологическими проявлениями. В евгенических работах, по сути, выражается та же установка: чтобы история человечества как

биологического вида могла продолжаться, мы должны сформулировать новые нравственные нормы, обеспечивающие его реинтеграцию в природное окружение.

Открыв сферу нового опыта, не соответствующего христианской системе ценностей, евгеники фактически обосновали представление о том, что человечество находится на пороге открытий, способных обусловить пересмотр моральных норм и правил как системы регулятивов, которые должны будут зафиксировать изменения, привносимые в жизнь современного общества бурным развитием науки и техники. Данная система должна будет определить принципиально новые отношения как между самими индивидами в качестве субъектов нравственности, так и между человеком и природой. По этой причине ограничение репродуктивной свободы отдельных категорий граждан не только не рассматривалось как неизбежное зло, т. е. этически недопустимое действие, но, напротив, выступало как проявление свободы человеческого рода, которая оказывается гораздо шире, чем свобода животного, не способного, в отличие от человека, к видоизменению собственной природы [5].

В контексте идеи о необходимости модификации человеческой природы были аргументированно обозначены моральные вопросы, обусловившие пересмотр содержания таких понятий, как «человеческое достоинство», «ценность человеческой жизни», «свобода и ответственность», а также некоторые этические нормы, обладающие вместе с тем и юридической силой. В результате действия, оцениваемые в традиционном моральном сознании как убийство или самоубийство, в технологическом пространстве современной медицины приобретают гуманный статус на основе утверждения новых этических принципов, имеющих евгенический подтекст: «достойно жить – достойно умереть» или «достойная жизнь – это полноценная жизнь». Например, совершенствование реанимационных практик, превратив умирание в длительный механизированный процесс, актуализировало вопрос принятия решения о смерти, а возможности преимплантационной и дородовой диагностики практически обесценили неполноценную жизнь в эмбриональной форме. По сути, распространение подобных биомедицинских практик снимает противоречие, существующее, по мнению некоторых авторов, в частности, таких как Ю. В. Хен, между ценностными установками

биоэтики и евгеники: биоэтика рассматривает природное равенство людей как «эмпирический факт», в то время как евгеника опирается на постулат о биологической неравноценности индивидов. В действительности содержание биоэтических проблем позволяет выявить существование четко выраженной ценностной асимметрии между полноценной и ущербной жизнью: новые медицинские технологии ориентированы уже не столько на исправление, сколько на исключение самой возможности появления генетических дефектов.

Заключение. Во многом благодаря развитию евгенических представлений конкретизируются границы традиционной морали, исключаяющей из сферы своего влияния отношения человека с природой и не способной осмыслить имеющимися в ее распоряжении средствами те нравственные проблемы, которые выявляет евгеника, и тем более разрешить их с помощью этих средств. В этой связи речь идет о необходимости превращения морали (как в содержательных, так и организационных аспектах) в своего рода инструмент реинтеграции человека в природный контекст, каковая нашла отражение в контексте задач биоэтики. Организационные аспекты этой трансформации, в частности, предполагают институционализацию морали, в то время как содержательно в корпус этических представлений включается сформулированное евгениками теоретическое положение о том, что будущее человека, являющегося активным фактором собственной эволюции, находится в пространстве его влияния.

Литература

1. Силуянова, И. В. Биоэтика и мировоззренческие традиции / И. В. Силуянова // Человек. – 1995. – № 5. – С. 130.
2. Гэтс, Р. А. Наследственность и евгеника / Р. А. Гэтс. – Л.: Сеятель, 1926. – С. 174.
3. Чуешов, В. И. / Философия. Глобализация. Интеграция: монография / под общ. ред. В. И. Чуешова. – Минск, 2006. – С. 112, 113.
4. Кольцов, Н. К. Улучшение человеческой породы / Н. К. Кольцов // Русский евгенический журнал. – М., 1924. – Т. 1. – Вып. 3–4. – С. 15.
5. Гальтон, Ф. Наследственность таланта. Законы и последствия / Ф. Гальтон. – М.: Мысль, 1996. – С. 252.

Поступила 30.03.2012